

ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРАНА И ТУРЦИИ

Дружиловский С. Б.

В статье рассматриваются важнейшие этапы в истории Ирана и Турции через призму воздействия происходивших в них внутривнутриполитических событий на формирование и проведение внешнеполитических курсов этих стран. Автор исследует важнейшие факторы, влияющие на формирование внешнеполитической стратегии Ирана и Турции, и приходит к выводу, что, несмотря на различия в государственном устройстве, в каждой из этих стран имеется много центров, участвующих в принятии внешнеполитических решений. Однако в силу особенностей общественного и исторического развития Ирана и Турции центры влияния в них имеют существенные различия, специфика которых подробно исследуется в представленной работе.

Иран и Турция, являясь соседними и самыми влиятельными государствами обширного региона, включающего Ближний Восток, Закавказье и Центральную Азию, в течение многих столетий отстаивали свое лидерство в региональных делах и в разные годы добивались значительных успехов в разделе и присоединении территорий своих соседей и контроле за состоянием региональной политики. Формирование внешнеполитического курса этих стран происходило как под влиянием внешних факторов, так и в результате воздействия различных внутренних процессов, которые определяли основу государственного устройства в этих странах.

Государственное устройство Турции представляло собой военизированную структуру с четкой иерархией управления, опирающейся на военно-ленную систему производства и распределения материальных ценностей и благ. Сложившаяся система освящалась непрерывным персонифицированным правлением османской

династии, основавшей турецкое государство в конце XIII века и отстраненной от власти только в начале XX столетия в результате кемалистской революции, итогом которой стало провозглашение Турции республикой. Поэтому на протяжении всей истории монархического правления внешнеполитический курс Турции вырабатывался единым центром, имел строгую религиозно-династическую окраску и заметную преемственность. На первых порах эти особенности внешней политики способствовали быстрому расширению и укреплению турецкого государства, а, начиная с XVII в., когда в европейских странах стали происходить буржуазные преобразования, напротив, способствовали консервации и стагнации в развитии турецкого государства.

В Иране, на протяжении более 2 500 лет существования иранской государственности сменились десятки правящих династий, причем, если исключить период правления основателей персидского государства Ахеменидов, то далее,

на протяжении двух с лишним тысячелетий, во главе его всегда, за редким и кратковременным исключением, оказывались иноземные завоеватели, не относящиеся к персидскому этносу. Естественно, что внешняя политика таких правителей часто ориентировалась на интересы иноземных государств и народов, выходцами из которых они являлись, и приводила к бесконечным государственным переворотам, организаторы которых легко могли доказать нелегитимность свергнутых правителей. В таких условиях основной заботой правящих кругов становилась не задача укрепления и расширения иранского государства, а главным образом борьба за сохранение власти правящей верхушкой, всегда испытывавшей давление как внутренних, так и внешних конкурентов. Поэтому, даже порой очень успешные внешнеполитические мероприятия отдельных иранских правителей, например, индийский поход Надиршаха, имели целью не возвышение иранского государства, а, прежде всего, заботу об укреплении личной власти в условиях возраставшего народного недовольства. При этом в Иране, также как и в османской Турции, принятие внешнеполитических решений находилось исключительно в компетенции правящей верхушки и часто осуществлялось вопреки истинным интересам иранского государства.

В целом, можно сказать, что в указанный период турецкая внешняя политика была более эффективной, чем иранская. Турки в течение нескольких столетий создали могущественную империю, которая, по крайней мере, в средневековье считалась самым влиятельным государством в Евразии.

Однако к началу XX столетия Турция и Иран пришли приблизительно с одинаковыми внешнеполитическими результатами. К завершению Первой мировой войны оба государства оказались на грани распада и закабаления европейскими странами. Лишь начавшийся кризис колониальной политики европейских держав и одновременный, хотя и не согласованный демарш двух влиятельных мировых центров того времени, то есть, США и Советской России позволили этим странам сохранить свою независимость. Речь идет, прежде всего, о 14 пунктах доктрины американского президента В. Вильсона, который выступил с осуждением колониальной политики европейских стран и заявил о готовности США поддержать независимость малых государств, и Декрете о мире и некоторых других внешнеполитических актах советского государства, в которых провозглашался отказ от аннексий и контрибуций и заявлялось о готовности поддержать суверенитет малых независимых стран, в том числе Турции и Ирана.

В то же время новые лидеры этих стран, которым пришлось в сложных условиях враждебного окружения строить основы своей государственной политики, хорошо понимали, что без серьезных внутренних реформ у них не будет возможности повысить международный авторитет своих государств и подключить их к мировому цивилизованному развитию.

Именно с начала XX века в Иране и Турции начали закладываться те элементы гражданского общества, которые в последующем стали влиять на выработку их внешнеполитического курса. Речь идет, прежде всего, о принятии в этих странах конституций и наделении их граждан определенными свободами и правами, в том числе на создание политических и общественных организаций, которые они получили впервые за всю историю существования этих государств.

В настоящее время Турция и Иран, несмотря на несхожесть своего государственного устройства, имеют много центров, влияющих на принятие внешнеполитических решений. Однако в силу особенностей государственного устройства и исторического развития этих стран центры влияния в них имеют свою специфику.

В Исламской Республике Иран после победы антишахской революции стихийно формировались многочисленные центры влияния на принятие внешнеполитических решений. Кроме временного правительства М. Базаргана, назначенного аятоллой Хомейни после возвращения его из изгнания, серьезное влияние на осуществление внешнеполитического курса оказывал Исламский Революционный Совет, созданный ближайшими соратниками Хомейни из среды высшего духовенства, а также руководство сформированного в это время Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и многочисленные революционные комитеты, подталкивающие новое руководство страны к распространению исламской революции за пределы Ирана. Сильнейшее влияние на выработку нового внешнеполитического курса страны оказали неформальные структуры и организации, которые в дальнейшем сумели отчасти конституционировать свою деятельность, отчасти направить ее в русло деятельности ряда общественных организаций и движений. Поэтому, несмотря на серьезные изменения в социальной и экономической политике ИРИ, произошедшие с момента ее провозглашения, активность этих элементов дает о себе знать и в современной внешней политике иранского государства.

Речь идет, прежде всего, о так называемых «базари», то есть о широко представленных в Иране слоях населения, связанных с «базаром» — мелких

Научные школы МГИМО

и средних торговцах, а также обслуживавших их многочисленных группах деклассированных элементов, люмпенов и пауперов, которые больше всего пострадали от результатов, проводившейся шахом «белой революции» и приняли самое активное участие в революции исламской. Именно из этой среды пришедшее к власти в Иране духовенство в значительной степени черпало необходимые ему силы и средства при становлении и укреплении своей единоличной власти. Из рядов «базари» формировались первые военизированные структуры, такие как Стражи исламской революции (КСИР), превратившиеся в гвардию фанатично преданных правящему духовенству молодых иранцев, и не менее преданные ему и бескомпромиссные в своих действиях участники движения «Хезболла» (партия Аллаха) и неформальной организации «Исламских студентов-последователей курса имама Хомейни». Именно в этой среде появились лозунги, которые в первые после революции годы стали главными внешнеполитическими ориентирами Исламской Республики Иран – «Ни Восток, ни Запад», «Смерть Америке, смерть Израилу, смерть Советскому Союзу!», «Экспорт исламской революции». Надо сказать, что при всей своей утопичности эти лозунги в течение определенного времени серьезно влияли на формирование внешнеполитического курса ИРИ. Очевидно, что и сегодня Иран не полностью освободился от этого наследия. В то же время известно, что негативные последствия осуществления такой политики не замедлили сказаться. Так, идея «экспорта исламской революции» захлебнулась в кровопролитной войне с Ираком, а попытка осуществления политики опоры на собственные силы вскоре привела к валютно-финансовому кризису и росту социальной напряженности, потребовавших от иранского правительства срочных мер по восстановлению взаимовыгодных отношений с другими странами мира.

В то же время такой активный проводник неудавшейся политики как Корпус стражей исламской революции и сегодня является неотъемлемой, более того, привилегированной частью современных вооруженных сил ИРИ, а движение «Хезболла», несколько утратив свои позиции в самом Иране, успешно действует в ряде мусульманских стран, прежде всего в Ливане, и пользуется широкой поддержкой со стороны иранского руководства.

Таким образом, можно сказать, что первым по времени после победы исламской революции неформальным центром, который начал оказывать существенное, а на определенном этапе и решающее влияние на формирование внешней политики ИРИ,

стал «базар», то есть привычный для Востока центр формирования интересов мелкобуржуазной среды.

В декабре 1979 г. на всенародном референдуме была одобрена новая иранская конституция, которая, по словам Хомейни, «на сто процентов должна была соответствовать исламу». Действительно, красной нитью через все разделы конституции проходит мысль, что все направления как внутренней, так и внешней политики ИРИ должны неуклонно соответствовать догмам ислама. Статья 4 конституции, которая квалифицируется основным законом как «приоритетная по отношению к другим статьям конституции, а также законам и установлениям» гласит, что «Все гражданские, уголовные, финансовые, административные, культурные, военные, политические и другие законы и установления должны быть основаны на исламских нормах». Поэтому в качестве главной внешнеполитической задачи ИРИ в конституции зафиксирована «выработка внешней политики страны на основе исламских критериев, установление братского союза со всеми мусульманами и бескорыстная поддержка угнетенных мира» (Ст. 2, п. 16).

Текст иранской конституции со всей очевидностью свидетельствует о том, что в момент ее принятия проблемы внутреннего государственного устройства и исламизация всех сторон общественной жизни ИРИ беспокоили религиозное руководство страны намного больше, чем проблемы внешней политики. На это указывает хотя бы тот факт, что из 177 статей новой конституции собственно внешней политике посвящено всего 4 статьи (ст. 152—155). При этом внешнеполитическая компетенция основных ветвей власти и создававшихся государственных институтов прописана очень невнятно. Естественно, что в дальнейшем этим воспользовались многочисленные центры влияния, которые стали активно вмешиваться во внешнюю политику и декларировать свое понимание стоящих перед страной внешнеполитических задач. Сегодня, кроме главы государства, президента, парламента и собственно министерства иностранных дел, которые по конституции призваны участвовать в выработке и осуществлении внешней политики страны, в этом процессе активно участвуют: Совет по определению целесообразности, Высший совет национальной безопасности, Высший совет культурной революции, исламские фонды, руководящая верхушка КСИР и некоторые другие неправительственные организации. Однако даже перечисленные выше официальные органы власти, призванные проводить согласованную внешнюю политику своего государства, совсем не обязательно координируют

свои действия, а как бы отвечают только за свои «ниши», не вмешиваясь в работу своих партнеров. Можно согласиться с мнением известного российского ученого-ираниста Н. М. Мамедовой, что «...официальная политика Ирана, которую представляют республиканские структуры власти, особенно во взаимоотношениях с зарубежными государствами, может не совпадать с действиями, которые предпринимает исламский режим от лица своих исламских структур. Наиболее ярким проявлением этой противоречивости может быть позиция Ирана в отношении исламских организаций, таких как, в первую очередь, «Хезболла», официальные контакты с которой осуществляются только на уровне политическом, а о наличии военно-экономических связей можно говорить только как о возможных со стороны исламских структур»¹.

В подтверждение этой мысли можно привести еще немало примеров, в частности, то, что в каждой стране, где действует иранское посольство, предполагается наличие культурных центров ИРИ, которые обладают независимым бюджетом и ведут в стране своего пребывания активную работу по налаживанию контактов с учеными, представителями науки и искусства, студентами и преподавателями. При этом довольно часто, в том числе и в России, такие центры влияют на характер и направленность исследований в области иранистики, субсидируют издание научной и педагогической литературы, активно участвуют во всех мероприятиях, касающихся иранской проблематики, а часто и сами организуют такие мероприятия с привлечением самого широкого круга российской общественности. В отличие от работы иранских посольств за рубежом, которая организуется и контролируется министерством иностранных дел ИРИ, деятельность культурных центров курируется канцелярией руководителя страны (рахбара), во главе с влиятельным и авторитетным аятоллой М. Тасхири.

Также исключительно рахбару подчинена работа так называемых исламских фондов. Наиболее известные из них – это «Фонд имама Хомейни», «Фонд шахидов» и «Фонд обездоленных». Эти организации представляют собой крупные промышленно-торговые холдинги, насчитывающие сотни предприятий в таких областях, как металлургия, строительство, текстильное производство, транспорт, а также нефтеперерабатывающей, химической и пищевой промышленности². Фонды возникли вскоре после революции в результате конфискации имущества шахской семьи и его приближенных, которые покинули страну после революции. Доходы этих фондов не поступают

в бюджет страны. Их работой руководят назначенные рахбаром лица, подотчетные лично ему. Официальная цель фондов, которая проистекает из их названия, сводится к оказанию помощи неимущим, инвалидам ирано-иракской войны и семьям погибших на этой войне, жертвам стихийных бедствий и т.п. Однако известно, что финансовые и организационные возможности фондов широко используются правящим иранским духовенством для поддержки различных исламских, в том числе радикальных организаций типа ХАМАС и «Хезболла» за рубежом в обход парламента и министерства иностранных дел ИРИ. Свои внешнеполитические цели и возможности имеет упоминавшийся уже КСИР, руководство которого неоднократно выступало с заявлениями по внешнеполитическим вопросам, включая международный аспект ядерной программы ИРИ, отношение к США, Израилу и т.п. Следы зарубежной деятельности КСИР легко можно обнаружить в Ираке, Ливане, Палестине и ряде других и не только мусульманских государств. По мнению западных аналитиков, именно спецслужбы ИРИ (читай КСИР) приложили руку к убийству бывшего премьер-министра последнего шахского правительства Ш. Бахтиара во Франции в 1991 г., лидера оппозиционной организации «Моджахеды иранского народа» М. Реджави в Швейцарии в 1990 г. и четырех активистов курдского движения иранского Курдистана в ФРГ в 1992 г. Как известно, в тот период реакцией Запада на эти акции стал отзыв послов всех стран ЕС из Ирана.

Из не столь давних событий можно отметить реакцию КСИР на серию терактов в иранском Хузестане в июне 2005 г., в организации которых руководство КСИР обвинило Англию и пригрозило ответными мерами. Вряд ли можно считать просто совпадением то, что вскоре после взрывов в Хузестане расквартированные на юге Ирака британские войска понесли самые крупные потери за весь период оккупации³.

На поверхности политической жизни ИРИ ясно прослеживаются противоречивые позиции, занимаемые по внешнеполитическим вопросам различными представителями власти, в том числе, в среде правящего духовенства. В современной иранистике устоялось деление иранского истеблишмента на консерваторов, радикалов, прагматиков и реформаторов, которые персонафицируются именами рахбара ИРИ С. А. Хаменеи, президента М. Ахмадинежада, и бывших президентов ИРИ Х. Рафсанджани и М. Хатами. Действительно, внешнеполитические заявления этих иранских лидеров часто противоречат друг другу. Так, жесткая внешнеполитическая риторика

Научные школы МГИМО

нынешнего иранского президента явно звучит в диссонанс с выдвинутой в бытность его президентом концепцией диалога цивилизаций М. Хатами, а предлагаемая Х. Рафсанджани идея вынести вопрос о нормализации отношений с США на всенародный референдум явно не находит поддержки у лидера ИРИ. Однако не стоит преувеличивать данные разногласия, тем более искать среди нынешнего руководства диссидентов исламского режима. Представляется, что суть этих разногласий проистекает из шиитской доктрины, которая в отличие от суннизма предполагает возможность активной интерпретации исламского учения, а все шиитские авторитеты имеют официальное право на «иджтихад», то есть толкование Корана и всех исламских канонов в соответствии с меняющейся ситуацией. Поэтому в самом Иране подобные противоречивые высказывания религиозных лидеров рассматриваются в контексте существующих в этой стране традиций и ни в коей мере не свидетельствуют об эрозии исламского режима. В свое время лидер революции аятолла Р. Хомейни, касаясь данной проблемы и возможной ее опасности для режима, писал: «Книги ведущих мусульманских богословов полны разногласий по вопросам государственного режима, культуры, политики, экономики и религии. Они спорят даже по тем вопросам, по которым полагалось бы иметь единое мнение (иджма), более того, даже по тем вопросам, где единое мнение требуется однозначно, мы порой слышим слова против. Ранее эти проблемы не выходили за рамки академических исследований... Благодаря исламской революции высказывания богословов и религиозных авторитетов присутствуют сегодня в теле- и радиопередачах, на страницах газет. Совершенно очевидно, что если между индивидуумами и фракциями существует разница во взглядах, то она имеет под собой чисто политическую подоплеку, хотя порой и носит видимость богословской проблемы, и, поскольку все они едины в основах, я по этой же причине поддерживаю их всех. Они готовы к самопожертвованию во имя ислама и Корана, их сердца горячо бьются во имя страны и народа, и каждый из них ставит своей целью и имеет твердой убежденностью благо ислама и помощь мусульманам. Большинство, как тех, так и других желает, чтобы их страна была независимой, и те, и другие желают, чтобы в ней были благородные труженики, крестьяне, служащие, торговцы – праведные и религиозные, перед которыми открывались бы горизонты чистой и мирной жизни, и те, и другие желают устранить коррупцию и воровство из структур власти, и те, и другие желают, чтобы экономика Ирана стала

чистой исламской экономикой, будучи примером для мирового рынка, как те, так и другие желают, чтобы в сфере науки и искусства сложилась такая обстановка, которая привлекла бы в Иран массы студентов и исследователей. И те, и другие желают, чтобы ислам стал великой мировой силой. В чем же тогда, собственно, различие? А различие, собственно, в том, что и те, и другие выражают собственное мнение и делают свою точку зрения доступной всем»⁴. Вряд ли есть основания не доверять в этом вопросе мнению великого аятоллы, поэтому, несмотря на кажущееся столкновение интересов и позиций отдельных представителей иранского руководства, совершенно непродуктивно искать в высших эшелонах власти ИРИ какую-то оппозицию нынешнему исламскому режиму.

В то же время при принятии внешнеполитических решений роль личности в Иране невозможно переоценить. Традиционно в шиизме высшие представители духовенства «марджа-ат-таклид» не только имеют право на толкование норм ислама, но и обладают возможностью публиковать распоряжения (фетвы) обязательные для исполнения верующими – последователями данного духовного авторитета. Введя в качестве основополагающего принципа управления государством в исламской республике принцип «Велаяте факих», аятолла Хомейни сосредоточил всю полноту центральной власти в руках религиозного авторитета, указания которого отныне должны безоговорочно и без обсуждения выполняться всеми иранцами.

Именно личностный фактор в свое время сыграл решающую роль при нормализации советско-иранских отношений, которые в последующем переросли в дружественные отношения между Ираном и Россией. Бытующее сегодня представление о том, что отношение ИРИ к нашему государству в отличие от США изначально было положительным, не соответствует действительности. Вскоре после победы исламской революции на многочисленных митингах и в средствах массовой информации ИРИ зазвучал лозунг, который оставался неизменным в течение многих последующих лет: «Смерть Америке! Смерть Израилу! Смерть Советскому Союзу!». Причем, когда самого Хомейни спросили о том, каким образом можно классифицировать главных противников нового Ирана, то он ответил, что, по его мнению, Америка хуже Англии, Англия хуже Америки, а Советский Союз хуже их обеих. Часто звучала и другая характеристика наших стран: Америка – большой сатана, а СССР – малый сатана. Можно также напомнить, что после захвата американского посольства исламские радикалы захватили также

территорию советского посольства и удерживали ее в течение нескольких часов, произведя значительные разрушения, в том числе, в мемориальном зале, в котором в 1943 г. происходила Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав антигитлеровской коалиции.

Положение стало меняться только после окончания ирано-иракской войны, и эта перемена была напрямую связана с личным посланием имама Хомейни, которое он направил в начале 1989 г. тогда президенту СССР М. Горбачеву. Сами иранцы возвели это послание в своего рода символ, который обосновывает изменение иранской политики в отношении нашего государства. Мы, в свою очередь, часто по инерции подтверждаем, что в СССР в это время произошли настолько разительные перемены, что восточные страны, в том числе и Иран, которые рассматривали СССР как безбожное и имперское государство, поменяли свое мнение и заявили о готовности развивать с нами добрососедские отношения.

На самом деле особых оснований для такого заключения нет. СССР продолжал оставаться единым социалистическим государством, и еще мало что могло свидетельствовать о его приближающемся коллапсе, советские войска продолжали оставаться в Афганистане, а горбачевская политика по сближению с Западом, вряд ли могла радовать иранское руководство.

Да и сама история обмена посланиями между Хомейни и Горбачевым отнюдь не должна была вызывать восторг у иранцев. Во время беседы с аятоллой А. Д. Амоли (кстати, не занимавшего никакой официальной должности в ИРИ), доставившим послание Хомейни Горбачеву, последний, по сути, обвинил Иран во вмешательстве во внутренние дела СССР, а его ответное послание, доставленное Хомейни Шеварднадзе, видимо, было выдержано в таких резких тонах, что до сих пор его текст не опубликован ни в России, ни в Иране.

Поэтому в соответствии с дипломатической практикой это событие должно было бы вывести ирано-советские отношения на новый уровень конфронтации. Однако вместо этого вскоре СССР посещает бывший тогда спикером иранского парламента Х. Рафсанджани, который подписывает с советским руководством важнейшие политические и экономические документы, которые, будь они реализованы, уже сегодня могли бы сделать Россию и Иран стратегическими союзниками и крупными торгово-экономическими партнерами. Однако распад СССР отбросил назад все эти планы иранского руководства, и лишь к 2001 г., после визита иранского президента Хатами в РФ, вновь стали говорить о возможности установления

особых доверительных отношений между нашими странами. Поэтому представляется очевидным, что послание Хомейни спровоцировала не столько новая политика Горбачева, которая по многим направлениям была деструктивной и демагогичной, чего не могли не видеть в Иране, а пересмотр самим иранским руководством приоритетов в своей внутренней и внешней политике.

Стремление Ирана нормализовать отношения с СССР в тот период являлось не конъюнктурным, а жизненно для него необходимым.

К 1989 г. после провала иранских планов победоносной войны с Ираком и осознания того, что Иран оказался практически в полной международной изоляции (в ирано-иракской войне ИРИ условно поддерживал лишь давний конкурент Ирака Сирия, а также ООП и Южный Йемен), руководство страны пришло к выводу о неизбежности отхода от двух главных направлений своей внешней политики – «Экспорт исламской революции» и «Ни Восток, ни Запад», до этого считавшихся в Иране неприкосновенными.

Понимая, что весь Запад к этому времени сплотился вокруг США с его неприятием исламского эксперимента в Иране, а сам исламский мир находится в шоке от методов Ирана по экспорту исламской революции и не скоро пойдет с ним на сотрудничество, Хомейни выделил единственную влиятельную страну, которая объективно была заинтересована в налаживании отношений со своим южным соседом и при этом обладала достаточной военно-экономической мощью, чтобы представлять интерес как потенциальный торгово-экономический партнер, а, с другой стороны, при желании могла бы лоббировать иранские интересы на Западе, в условиях начавшегося процесса сближения советской и западной позиций. Для иранского руководства важным являлся и тот факт, что в СССР десятилетиями мирно сосуществовали многочисленные народы и конфессии, в том числе входившие в него большие мусульманские анклавы, что предопределяло его большую, по сравнению с другими державами, предрасположенность к диалогу с мусульманским миром. В целом обо всем этом, правда, в достаточно завуалированной философской форме говорилось в послании лидера ИРИ советскому президенту.

Реакция самого Горбачева Хомейни и его окружение, судя по всему, интересовала мало. Они выбрали новый перспективный ориентир в своей внешней политике, призванный помочь Ирану выйти из международной изоляции, и указали на него иранскому правительству и иранскому народу. Надо сказать, что выбор этот был сделан

Научные школы МГИМО

правильно. Не ошибся Хомейни и в том, что фактор советско-иранского (в последующем российско-иранского) сближения не позволит США осуществить их планы по удушению иранского режима. Иран прорубил свое окно в Европу, и это позволило ему в дальнейшем играть на российско-американских и европейско-американских противоречиях в регионе.

Надо отдать должное Ирану, однажды взяв курс на сближение с Россией, он уже никогда ему не изменял. Практически по всем крупным международным, региональным и внутрироссийским проблемам, которые беспокоили в последние годы российское руководство, Иран неизменно проявлял солидарность и оказывал России необходимое содействие. Речь, в частности, идет о таких вопросах, как продвижение НАТО на восток, необходимость урегулирования внутрирегиональных конфликтов в Закавказье и Центральной Азии, справедливое афганское урегулирование, блокирование устремлений США и их западных союзников по созданию постоянных военных баз в Закавказье и Центральной Азии, стремление видеть мир многополярным и многовариантным, повышение роли ООН при решении возникающих международных проблем и, что крайне немало важно для России, отношение к чеченской проблеме, которую ИРИ изначально признала внутренним делом РФ.

В то же время следует подчеркнуть, что вышеуказанный пример неукоснительного соблюдения иранцами решений своего духовного лидера, нельзя абсолютизировать в силу известной шиитской традиции «такийя» (сокрытие своих истинных намерений верующими шиитами в случае угрозы интересам и существованию шиитской общины или отдельных ее членов). Поэтому даже фетва, исходящая от высшего шиитского авторитета (велае факих), может быть подвергнута сомнению, если она связана с интерпретацией какого-нибудь международного события, кровно затрагивающего интересы иранского государства. Например, многие на Западе со скепсисом отнеслись к воззванию нынешнего рахбара ИРИ Хаменеи ко всем мусульманам мира отказаться от идеи создания и использования ядерного оружия и к его гарантии того, что такое оружие никогда не будет создано в Иране. Однако в большинстве случаев фетвы рахбара являются обязательными для выполнения всеми иранцами решениями высшего государственного и духовного руководителя страны и отвергнуты или оппорены никем быть не могут.

Безусловно, свои возможности влиять на формирование и осуществление внешней политики имеются у президента ИРИ и депутатов иранского

парламента, но при этом надо четко понимать, что они не могут выходить из русла приоритетов, очерченных руководителем страны, а в случае с парламентом еще и за рамки решений, принимаемых Наблюдательным советом меджлиса, подчиненным рахбару.

В современной Турции, в отличие от Ирана, где в основе всех государственных преобразований и решений лежит ислам, главным фактором, определяющим характер принятия политических решений, является национализм. Так, в преамбуле последней турецкой конституции, принятой в 1982 г. записано, что эта конституция была «сформулирована в соответствии с концепцией национализма, а также реформами и принципами, провозглашенными основателем Турецкой Республики Ататюрком», а неизменяемая 2 статья конституции провозглашает, что «Турецкая Республика является демократическим, светским государством, основанным на нормах права, опирающимся на концепцию общественного спокойствия, национальной солидарности и справедливости, уважающим права человека, верным национализму Ататюрка и основанным на главных принципах, изложенных в преамбуле».

Известно, что переход от ислама к национализму осуществлялся в Турции насильственным путем в ходе кемалистской национально-освободительной революции, приведший к ликвидации султаната и тесно связанного с ним халифата в первой четверти XX века. После этого на протяжении 30 лет именно кемалистские лозунги определяли характер внешней политики турецкого государства. Главный из них «Мир в Турции. Мир во всем мире» предопределил отказ Турции от имперских амбиций, способствовал налаживанию добрососедских отношений с Россией и с другими соседними государствами, позволил предотвратить втягивание Турции во Вторую мировую войну и тем самым избежать людских и территориальных потерь, которым подверглось большинство стран Европы в этот период. Формулирование внешней политики в этот период осуществлялось самим М. Кемалем Ататюрком, а после его смерти в 1938 г. занявшим пост президента страны соратником Кемаля Исметом Иненом, и в более широком плане верхушкой вооруженных сил, которая активно участвовала в национально-освободительном движении, полностью разделяла идеи кемализма и составила костяк правящей в это время в Турции Народно-Республиканской партии.

Однако с распадом однопартийной системы и приходом к власти в 1950 г. Демократической

партии началась эрозия кемалистских принципов. Главным двигателем этого процесса стал укрепивший национальный капитал, которому уже тесно становилось в национальных границах, претила кемалистская идея опоры на собственные силы в экономике и которому при этом необходимо было подавить рост профсоюзного, демократического и коммунистического движения, которые громко заявили о себе в Турции после окончания Второй мировой войны.

После прихода к власти ДП наблюдаются серьезные перемены во внешнеполитическом курсе Турции, в частности, отход от дружественных отношений с СССР, использование вооруженных сил Турции за пределами ее территории (участие в корейской войне), вступление в военно-политические блоки Запада и размещение на своей территории иностранных военных баз, присоединение в качестве ассоциированного члена к Европейскому экономическому сообществу. Военный переворот 1960 г. отстранил от власти ДП, но не остановил процесс демократизации в стране, который привел к становлению многопартийной системы и появлению новых политических сил, которые стали влиять на проведение внешнеполитического курса страны. В целом, создававшаяся в 60-е годы прошлого столетия политическая система действует в Турции и сегодня. Именно в ее недрах формулируются основные внешнеполитические концепции современной Турции.

Сегодня, кроме официальных государственных органов в лице президента, премьер-министра, парламента и министерства иностранных дел, большое влияние на формулирование и осуществление внешнеполитического курса страны оказывают армия, которая, в отличие от европейских стран, позиционирует себя не только как военная, но и как отдельная политическая сила, стоящая на страже завоеваний кемализма, политические партии либерально-буржуазного толка, националистические и исламистские партии и движения, крупнейшие экономические объединения (холдинги) и находящиеся в частных руках СМИ, прежде всего многочисленные периодические издания, традиционно формирующие общественное мнение в Турецкой Республике.

Армия, которая постепенно утрачивает свои политические позиции в турецком государстве, по-прежнему остается важнейшим фактором при принятии политических решений. Показательным является уже тот факт, что из одиннадцати турецких президентов, занимавших этот пост после провозглашения республики, шесть имели генеральские звания. Большое количество отставных военных всегда были широко представлены

в парламенте и правительстве страны. Такие, создаваемые военными органами, как Комитет национального единства, Совет национальной безопасности напрямую определяли внешнеполитический курс Турции в обход правительства и парламента страны. Однако после отставки последнего военного президента генерала К. Эврена в 1989 г. роль генералитета и армии в турецкой политике стала неуклонно снижаться. Гражданские президенты, начиная с амбициозного Т. Озала, явно тяготились ролью статистов при формулировании основных направлений внутренней и внешней политики. Именно по внешнеполитической проблеме произошел первый серьезный кризис во взаимоотношениях высшей военной и гражданской власти, когда после начала первого иракского кризиса в 1990 г. президент Т. Озал провел через парламент свое предложение о разрешении международным силам действовать против Ирака с турецкой территории, при этом Турция перекрыла нефтепровод из Ирака, перекачивавший по 1,5 млн баррелей нефти в день к терминалам на побережье Средиземного моря и являвшийся главным поставщиком дешевой иракской нефти на турецкий рынок. Военные в лице начальника генерального штаба Н. Торумтая выступили против таких скоропалительных решений. После отказа Т. Озала принять во внимание аргументы турецких военных Н. Торумтай и министр обороны Сафи Гирай ушли в отставку. Напряженные отношения сохранялись между военными и следующим турецким президентом С. Демирелем и, несколько улучшившись при президенте А. Сезере, вновь резко обострились после занятия президентского поста представителем происламской Партии справедливости и развития А. Гюлем. О своем неприятии такого выбора военные высказались уже тем, что начальник Генерального штаба Турции Яшар Бююкянит игнорировал процедуру инаугурации нового президента, отправившись в это время в зарубежный вояж. Со своей стороны, исламисты провели через парламент ряд принципиальных решений, серьезно ограничивших роль армии в политической жизни страны. В 2003 г. были ликвидированы находившиеся под контролем военных суды государственной безопасности, которые в обход обычного судопроизводства могли преследовать любого гражданина по обвинению в терроризме и государственной измене. Самая большая для турецкого генералитета потеря связана с изменением статуса Совета Национальной Безопасности, в котором традиционно доминировали военные, и решения которого были обязательными для выполнения всеми правительственными,

Научные школы МГИМО

в том числе и внешнеполитическими, органами. Можно напомнить, что именно СНБ в свое время принял решение об устранении с поста премьер-министра вполне легитимно занимавшего его лидера исламистов Н. Эрбакана. Отныне СНБ имеет право высказывать лишь рекомендации государственным органам страны без права вмешиваться в осуществление внутренней и внешней политики.

Однако, несмотря на все указанные негативные для турецкой армии процессы, их роль при определении внешнеполитического курса страны все еще остается достаточно высокой. Это связано и с членством турецкой армии в НАТОвских структурах, и с серьезным финансово-экономическим потенциалом, который позволяет генералитету напрямую участвовать во внешнеэкономической деятельности и определять судьбу многомиллиардных контрактов по закупке Турцией современного оружия, и с тем уважением, которое по-прежнему испытывает к армии большая часть турецкого населения. Поэтому достаточно регулярные выступления в СМИ турецкого генералитета по внешнеполитическим вопросам, касается ли это войны в Ираке, кипрской проблемы или перспектив участия в ЕС, всегда привлекают пристальное внимание населения и порой идут вразрез с официальной политикой турецкого правительства. Один из недавних примеров этого демарш того же начальника Генерального штаба Я. Бююкянта, после того, как в декабре 2006 г. появилась утечка информации о том, что правительство ПСР с целью сохранить рабочий характер переговорного процесса о вступлении Турции в ЕС, якобы, готово открыть один из турецких портов для захода кипрских судов. Комментируя эту информацию, генерал Я. Бююкянт резко осудил правительство за то, что при принятии этого решения оно предварительно не проконсультировалось с Генеральным штабом⁵.

Несмотря на то, что история многопартийности в Турции насчитывает уже более 50 лет, политическая система в этой стране достаточно сильно отличается от западной и, прежде всего тем, что партии в Турции все еще создаются и функционируют по восточному типу, когда партийная масса ориентируется в основном не на программные документы партии, а на возглавляющего ее лидера. В связи с этим влияние политических партий на осуществление внешнеполитического курса страны всегда опосредуется личностью руководителя этой партии и его убеждениями. Примеров этому можно привести много и самый последний из них это приход к руководству исламистской партии Справедливости и Развития молодых лидеров

в лице Р. Эрдогана и А. Гюля, которые, будучи совсем недавно в рядах Партии благоденствия Н. Эрбакана, никак не могли проявить свои взгляды, в том числе, и по вопросу проведения внешнеполитического курса Турецкой Республики, а действовали исключительно в русле установок своего лидера. Сегодня эти новые лидеры турецкого исламизма по сути полностью поменяли имидж партии и выступили с идеями (центральная из них – безотлагательная необходимость присоединения к ЕС), о которых даже не могли высказываться в бытность свою рядовыми членами партии Н. Эрбакана. Тогда в основе внешнеполитических идей исламистской партии было вернуть Турцию в мусульманский мир и возглавить его, создав свои мусульманские международные политические органы типа ООН, всемирного исламского банка, и общего мусульманского рынка с перспективой объединения всего мусульманского мира в единую политическую и экономическую организацию, противостоящую как ЕС, так и другим международным интеграционным группировкам.

В то же время, в отличие от иранских партий и общественных объединений, у каждой политической партии Турции есть свои внешнеполитические программные установки, которые они лоббируют, прежде всего, во время избирательных кампаний, а также выступая с внешнеполитическими инициативами в парламенте, главным образом во время слушаний по вопросу о бюджете министерства иностранных дел на текущий год.

В условиях благоприятной конъюнктуры отдельные политические партии могут брать на себя и практическое осуществление некоторых актуальных для Турции внешнеполитических направлений, особенно когда официальным государственным структурам представляется неудобным инициировать те или иные внешнеполитические акции. Например, уже много лет, начиная с 1993 г., под эгидой стоящей на пантюркистских позициях Партии националистического движения в Турции и за ее пределами организуются так называемые курултаи братства и сотрудничества, призванные объединить тюркские народы, проживающие за пределами Турции под турецким патронатом.

Аналогичным образом действуют и другие националистические группы, объединяющиеся в различных фондах и союзах для оказания поддержки своим единоплеменникам в зарубежье. Так, сами турки поддерживают активные неправительственные связи со своими единоплеменниками в Европе, где сегодня проживает более 4 млн турок, а, например, выходцы с Кавказа до последнего времени вели активную работу в поддержку кавказских народов, в том числе в Чечне,

в их стремлении обрести полный суверенитет. Потребовались большие усилия со стороны российского МИД и высшего руководства России, чтобы турецкие власти приняли решение о прекращении легальной деятельности этих организаций.

После распада СССР большую роль в осуществлении религиозной и культурологической экспансии на постсоветском пространстве играли религиозные неправительственные организации и фонды. Свою деятельность, при полной поддержке турецких властей в лице созданного при турецком МИДе в 1992 г. Агентства тюркского сотрудничества и развития (ТИКА), прежде всего в тюркских регионах СНГ, осуществляли Турецкий директорат по религиозным вопросам (TDRA), Образовательный центр религиозной общины Фетхуллага Гюлена, Турецкий международный исследовательский центр Турана Язгана, фонд «Аврасия Бир» и др.

В активе этих организаций – пропаганда турецкой модели развития, противостояние арабским и иранским исламистам и, пожалуй, самое главное – подготовка кадров различного профиля для центральноазиатских и закавказских республик. Например, Турецкий директорат по религиозным вопросам ставил своей целью укрепление позиций Анкары в тюркоязычных республиках, а также противодействие экспансии здесь шиитского и ваххабитского толков ислама. В противоположность им тип ислама, пропагандируемый TDRA, включает аполитичность, секуляризм, ограничение религии рамками частной жизни граждан. В то же время эта организация занимается распространением исламских знаний, подготовкой священнослужителей, ремонтом и строительством культовых сооружений⁶.

Из всех неправительственных организаций с наибольшим размахом действовал религиозный центр Фетхуллага Гюлена. При этом он использовал свои большие организационные и финансовые возможности. В Турции общине Ф. Гюлена принадлежат: 88 фондов, 20 обществ, 128 частных школ, 218 фирм, а также 17 печатных органов, телестанция, беспроцентный исламский банк и страховое общество⁷. «Асия финанс банк» с капиталом в 125 млн долл., принадлежащий Ф. Гюлену, профинансировал строительство в центральной Азии и Азербайджане более 80 школ и 4 университетов, где преподавание ведется по программам турецких учебных заведений. В последующем выпускники этих учебных заведений, как правило, занимали видное положение в общественной и политической жизни своих республик⁸.

Однако в целом результаты деятельности этих организаций за рубежом оказались намного ниже,

чем рассчитывали их инициаторы. Ряд тюркских республик ограничился достигнутым, а узбекское правительство в 2000 г. закрыло все школы, открытые религиозными организациями Турции. Из страны был выслан турецкий атташе по образованию, а узбекские студенты, обучавшиеся в Турции, были отозваны на родину⁹.

Турецких предпринимателей сегодня объединяют две авторитетные, хотя и конкурирующие организации: ТЮСИАД, объединяющая крупных бизнесменов, в основном владельцев мощных многопрофильных объединений (холдингов) и МЮСИАД – сплотившая вокруг себя приверженцев исламской экономической модели развития. Обе они, особенно первая, активно участвуют во внешнеполитических мероприятиях правительства. В последние годы у высшего руководства страны вошло в практику во время зарубежных визитов включать в состав своей делегации по несколько десятков представителей турецкого бизнеса, которые затем активно участвуют в межгосударственных переговорах и представляют правительству свои рекомендации о целесообразности развития отношений с тем или иным государством. В свое время именно позиция крупного турецкого бизнеса подвигла правительство Б. Эджевита, а затем и ПСР на начало развития многосторонних связей с РФ и одобрение проекта крупнейшего российско-турецкого газопровода «Голубой поток», хотя политическая элита Турции в этот период концентрировалась в основном вокруг идеи направления энергопотоков в Турцию в обход российской территории. Благодаря позиции, занятой крупным турецким бизнесом, в 2000 г. российско-турецкое экономическое сотрудничество развивалось невиданными темпами и сегодня товарооборот между двумя странами достиг 30 млрд долл.

Еще один очень влиятельный центр, участвующий в выработке внешнеполитических решений Турции, это турецкие СМИ. В отличие от иранских СМИ, находящихся под жестким контролем государства и правящего духовенства, турецкие СМИ и, прежде всего, периодическая печать не подвержены государственной цензуре, находятся в основном, кроме радио и центральных каналов телевидения, в частных руках (единственная официальная газета «Ресми газете», в основном публикует парламентские и правительственные документы и не влияет на формирование взглядов других печатных изданий) и постоянно реагирует и комментирует внешнеполитическую деятельность турецкого правительства, также как и дает ответственные комментарии о развитии международных отношений в целом. При этом

Научные школы МГИМО

следует отметить, что все эти издания являются коммерческими, поэтому доля серьезных аналитических публикаций в общем объеме печатного материала незначительна, а наиболее злободневные из них, несомненно, спонсируются определенными политическими кругами. Тем не менее, любая полемика в парламенте или правительственных и военных кругах по вопросам внешней политики всегда отражается в турецкой печати, которая никогда не скупится на свои рекомендации и предложения, порой пристрастные, но часто действительно отражающие настроения в турецком обществе.

Sergey B. Druzhilovsky. Internal Factors in the Formation of Foreign Policy in Iran and Turkey

The article reviews the most important stages in the history of Iran and Turkey in the light of internal policy events and their impact on the two countries foreign-policy formation and conduct. The author analyses major factors influencing the shaping of Iranian and Turkish foreign-policy strategies and comes to the conclusion that despite the differences in their state structures, either country has a number of centers participating in the foreign-policy making process. However, due to the peculiarities of social and historical development of Iran and Turkey, these centers of influence have essential differences, the specifics of which are closely studied in the article.

Ключевые слова

региональная политика, политические и общественные организации, центры влияния, шиитская доктрина, турецкий национализм, многопартийная система

Keywords

regional policy, political and social organizations, centers or influence, the Shia doctrine, Turkish nationalism, multiparty system

1. Мамедова Н. М. Политические центры силы в Иране. В сб. «Иран и Россия», М., 2004. С. 6.
2. Иран: ислам и власть. М., 2001. С. 153.
3. Свежий взгляд. Выпуск 1. М., МГИМО, 2007. С. 5.
4. Сахифе-йе Нур. Т. 21. С. 46. В сб. «Иран: ислам и власть». М., 2001. С. 74.
5. Турция накануне и после проведения парламентских и президентских выборов 2007 г. М., 2008. С. 79.
6. Turkish studies. Vol. 1 (Spring 2000). P. 45.
7. Мусульманские страны у границ СНГ. М., 2001. С. 328.
8. Milliyet. 4.11.1996.
9. Gumhuriyet. 03.09.2000.